

ентируя ее относительно ареала распространения березы. Таково положение и со многими другими словами. В некоторых случаях аргументы, приводимые в книге, еще менее приемлемы. Разумеется, праиндоевропейцы знали понятия «облако/небо», «ветер», «дождь», «снег», «зима», «жара», «тепло», «река» и даже «скала», «возвышенность», но из этого никоим образом не вытекает, что прародину необходимо локализовать в области высокогорного ландшафта, что ее невозможно помещать в северных областях Евразии (с. 866), — соответствующие слова имеются и в эскимосском языке. Но критика этих аргументов и не означает того, что «прародину» необходимо помещать на Севере. Ближневосточную гипотезу Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов аргументируют и при помощи ареальных схождений в лексике между индоевропейским и такими древневосточными языками, как шумерский и различные семитские и картвельские языки, а также древнеегипетский. Эти сближения в основном убедительны, авторы справедливо обвиняют в послесловии И. М. Дьяконова, не принимающего их, в гиперкритицизме. Но в то же время в недостаточной мере учтены индоевропейско-центральноазиатские связи, из них рассматриваются лишь контакты с угро-финским; толкование же индоевропейско-угро-финских схождений подчас вызывает сомнение: например, угро-финское *ogvo — «сирота» не вполне корректно толкуется как «древнеевропейское» заимствование, оно может быть и праязыковым (ср др.-гр. ὄρφανος — с. 940).

Вопрос о «прародине» очень сложен; на современном уровне развития индоевропеистики вряд ли можно окончательно относить ее к таким областям, как пространство от Северного Причерноморья до Южного Урала или северная оконечность зоны Благодатного Полумесяца. Для установления «прародины» прежде всего нужна еще более основательная реконструкция праязыковой лексики, с восстановлением не корней или основ, а полных слов. Авторы книги внесли большой вклад в изучение семантики праязыкового словаря, но значение многих праязыковых слов все-таки еще требует существенного уточнения путем привлечения широкой семантической типологии, которая, впрочем, сама нуждается в основательной разработке. Во всяком случае, авторы сумели лингвистическими средствами подтвердить положение о транскаспийских контактах индоевропейцев в самые древние эпохи их существования, выдвинутое Н. Я. Мерпертом. Так что предпосланный соответствующему разделу книги эпиграф «Ex oriente lux» является вполне уместным.

Книгу Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова не следует стремиться как-то однозначно оценивать, ее нужно изучать. Поднимаемые в ней вопросы следует продолжать исследовать, используя более широкий и новый материал, иные методы. По диапазону охвата проблем и данных эта книга уникальна, по предлагаемым решениям — проблематична. В нее вложен титанический труд, она является выдающимся событием в развитии гуманитарной мысли, но это не справочник и не учебник.

Особо следует отметить очень высокое полиграфическое качество издания. Издательство Тбилисского университета по праву может гордиться этой книгой. В целом же следует выразить надежду, что труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова вызовет новый подъем компаративистических штудий не только в индоевропеистике, но и в области изучения других языковых семей, не только в лингвистике, но и в этнографии, археологии и в других науках.

Л. Г. Герценберг

НАРОДЫ СССР

М. М. Громыко. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.

Выход в свет новой монографии М. М. Громыко стал заметным событием в отечественной историко-этнографической науке. Необычен сам предмет исследования — традиционные нормы поведения и формы общения в русской деревне XIX в. Можно говорить об открытии автором самого феномена народных этических традиций. Однако главное, что составляет новизну работы, — это системное рассмотрение объекта: М. М. Громыко вносит заметный вклад в разработку методики науки, ее методологических принципов и категориального аппарата.

Важное место принадлежит вводной части монографии. Принимая всю духовную культуру народа за макросистему, автор выделяет в ней в качестве предмета изучения систему нравственно-этнических представлений и традиционных норм поведения. С завидным профессионализмом М. М. Громыко выявляет ее структуру, отдельные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Автор показывает перспективные возможности научного поиска в избранном направлении и очерчивает круг источников, на которые могут опираться специалисты.

Конкретно-историческому анализу в монографии подвергнуты, однако, не все структурные компоненты системы (подобную задачу и нельзя решить в одной книге), а лишь те, которые, составляя одну из подсистем, связаны с этикой внутриобщинных неродственных отношений. М. М. Громыко внимательно исследует важнейшие институты и механизмы, обеспечивавшие практическое функционирование названной подсистемы в сложных условиях XIX в. Сюжетные и хронологические рамки работы представляются вполне обоснованными.

Книга отличается обширнейшей источниковой базой: в ней использованы и многочисленные опубликованные источники, и внушительный архивный материал (из архивов Москвы, Ленинграда, Tobольска, Краснодара и других городов). Автор привлекает разнообразные источники: делопроизводственную документацию, мемуары, письма — одно перечисление видов выявленного и мобилизованного источникового материала может занять много места. Наложение на этот богатый материал новейшей методики в сочетании с высокой методологической и философской культурой автора придает полученным выводам безусловную надежность.

Важное внимание уделяет М. М. Громыко традиционным структурно-функциональным отношениям, обозначаемым как внутриобщинная взаимопомощь, и их отражению в крестьянском сознании. Центральную роль в отношениях взаимопомощи, полагает автор, играл институт помочей. В работе скрупулезно анализируется их типология, территориальное распространение, а также комплекс связанных с ними этических норм и представлений. Автор учитывает те социальные процессы, которые протекали в русской деревне XIX в. Более того, наблюдения М. М. Громыко существенно углубляют наше понимание реальной эволюции крестьянского хозяйства и социального облика деревни в рассматриваемое время.

В механизме религиозно-нравственного закрепления индивидуальной взаимопомощи автор особо выделяет обычай побратимства (посестримства). М. М. Громыко прекрасно ориентируется в фольклорном и литературном наследии Древней Руси, на основе которого она устанавливает истоки обычая и его роль в историческом прошлом. В работе сделаны важные выводы о степени распространенности отношений побратимства и посестримства в XIX в. и их вариативности. Следует считать авторским открытием положение о побратимстве как о реально функционирующем элементе в системе русских крестьянских этических традиций.

В рамках системного подхода М. М. Громыко удалось изучить влияние общины на традиционные нормы поведения и формы общения крестьянства, выявить социально-психологические механизмы воздействия общины на народную этику. В данной связи в работе характеризуется деятельность сельского схода, отдельных лидеров, лиц, пользующихся хорошей репутацией у односельчан; специальному рассмотрению подвергнуты коллективные обряды и запреты, регулируемые общиной. Автор реконструирует обрядность, связанную с первым выгоном скота, «зажином», завершением сенокоса, «празднованием на зеленях», стихийными бедствиями. Выпукло обрисована в монографии роль мира в поддержании такой традиционной формы общения, как братчины (кануны). Впервые подробно раскрываются само содержание братчины, ее характер и связь с реальной хозяйственной и социальной жизнью деревни.

В заслугу автору надо поставить также дифференцированность подхода к анализу норм поведения и форм общения разных поколений. Возрастная специфика, по мнению М. М. Громыко, вносила свою окраску в общую систему нравственно-этических принципов и норм. Это обстоятельство потребовало от автора специального обращения к традициям крестьянской молодежи. В работе реконструируется этическая модель поведения юношей и девушек в деревенском хороводе, а также в празднично-хороводных ситуациях, являющихся составной частью обрядов (таких, как «колосок», «русалки», «маргостье», «березка», «кумление», «завивание и развивание венков»). Феномен хоровода раскрывается во всем его многообразии и полифункциональности. Много места отводится также характеристике других форм молодежных сборищ.

Принципиально важен вывод М. М. Громыко о том, что к рассматриваемому времени обрядовая сторона тех деревенских празднеств, которые уходили истоками в древность, полностью (или в весьма значительной степени) утратила свое ритуальное значение. Автор совершенно обоснованно выступает против встречающихся в историко-этнографической литературе попыток архаизации сознания и быта русского крестьянства XIX в. Вообще вопрос о соотношении традиции и инноваций в народной праздничной культуре ставится и решается в монографии с необходимой глубиной и основательностью.

Положение о большом сходстве традиционных форм общения и соответствующих им норм поведения у русского крестьянства различных этнографических зон является ключевым для понимания авторской концепции. Импровизация в смысле индивидуальной инициативы вполне укладывалась, как это доказывается в работе, в рамки общенациональной стабильности. Даже при заселении новых районов (в частности, Сибири, южных земель) главное значение имела преемственность традиций. Результаты, полученные М. М. Громыко, позволяют поставить вопрос о неперспективности выдвижения на первый план региональной специфики (а такой подход имеет место) при изучении традиционно-бытовой культуры русского народа.

В целом исследование М. М. Громыко является безусловно новаторским и ценным и в методологическом, и в конкретно-научном отношении. В выступлениях ведущих обществоведов страны, определяющих задачи исторической науки на современном этапе, говорится о необходимости усиления внимания к вопросам духовного прогресса человечества, истории культуры, эволюции социальных приоритетов и ценностей. Особо подчеркивается наше отставание в области изучения культуры русского народа¹. В данной связи обращение М. М. Громыко к этическим традициям русского крестьянства представляется чрезвычайно актуальным.

¹ См.: Тихвинский С. Л. Некоторые вопросы работы советских историков // Вопр. истории. 1986. № 12. С. 3—12; Федосеев П. Общественные науки — на уровень требований жизни // Коммунист. 1986. № 18. С. 64—75.

Остается только сожалеть, что книга практически лишена иллюстративного материала (правда, две иллюстрации вынесены на обложку). Удивляет и ограниченность тиража — всего 6500 экз. Между тем она нужна не только специалистам, но и широкому кругу читателей — о ее значительном воспитательном потенциале убедительно сказал в своей рецензии Э. Володин².

Н. А. Миненко

² Володин Э. О предках — в назидание нам, потомкам // Наш современник. 1987. № 2. С. 186—188.

А. И. Мусукаев. Об обычаях и законах горцев. (Традиционные и общественные институты в советской исторической науке). Нальчик, 1986, 152 с.

Новая работа балкарского этнографа в известной мере продолжает его книгу «О Балкарии и балкарцах» (Нальчик, 1982), в которой освещались вопросы архаических общественных организаций в трудах дореволюционных авторов. В то же время следует отметить неадекватность содержания интересного и полезного труда его названию (включая и подзаголовок).

Первая глава «Начало века» вводит читателя в круг этнографических «публикаций ученых и авторов» предреволюционных лет, уделявших внимание традиционным и общественным институтам горцев Северного Кавказа (причем автор книги делает акцент на Кабардино-Балкарии). А. И. Мусукаев умело привлекает новый полевой этнографический материал, как бы проверяя достоверность ряда наблюдений и выводов, касающихся исторического процесса в изучаемом регионе, где тесное переплетение элементов уходящих формаций с общественными явлениями сегодняшнего дня весьма затрудняло объективную оценку основных тенденций и этапов развития.

Проанализировав деятельность таких ученых-краеведов начала нашего века, как Г. А. Вертепов, Б. А. Ланге, Н. П. Тульчинский, Е. З. Баранов, Д. А. Пахомов, Н. А. Караулов, Н. С. Иваненков, Н. М. Агишев и др., автор выявил их большой интерес к конкретным традиционным порядкам, обычаям, церемониям, обрядам. Не всегда А. И. Мусукаев достаточно четко и мотивированно излагает свое отношение к выводам исследователей, занимавшихся той же проблемой до него, и мнениям своих информаторов. Так, суждения о положительном влиянии архаических общественных организаций на образ жизни человека, его поведение и воспитание (с. 5), об отношении к женщине и правилам традиционного этикета (с. 10), о «прогрессивных законах и обычаях», под которыми подразумеваются нормы адата, противопоставляемые установкам шариата (с. 1), выглядят, порой, противоречивыми и оторванными от конкретной действительности начала XX в. (не говоря уже об отсутствии необходимой ретроспекции в оценке с позиций сегодняшнего дня).

Становлению этнографического краеведения в 20-х годах нашего столетия на примере Кабардино-Балкарии как части Северокавказского региона посвящена вторая глава, в название которой вынесены слова Н. Я. Марра «...Источник новых методов» — об этом пути научной работы. В указанной главе собрано много любопытных и важных сведений о деятельности первых советских исследовательских и просветительских центров в Нальчике, о начальных шагах краеведения как комплексной сферы науки, откликнувшейся на рост национального самосознания горских народов Северного Кавказа в условиях осуществления ленинской национальной политики. Но общерегиональные тенденции только лишь обозначены в главе, и создание сводной картины — дело будущего.

В третьей главе «Популяризация краеведческих знаний» излагаются научные взгляды, характерные для первых этапов строительства социалистического общества, на существование в быте северокавказских народов видоизмененных и перерождающихся обычаев и традиций, восходящих к отдаленным периодам истории и нуждающихся в скорейшем их изучении «с целью сохранения для науки, для будущих поколений» (с. 32). В сущности это историографический обзор литературы, касающейся вопросов общественного устройства ряда народов Центрального Кавказа. Рассматривая взгляды С. П. Меча, В. П. Христиановича, Г. Ф. Чурсина и других исследователей, А. И. Мусукаев выделяет дискуссионные вопросы трактовки сведений о горских «родовых отношениях», справедливо усматривая в них следы реального существования патронимий и больших семей. Рассмотрев результаты издательской деятельности Общества изучения Адыгейской автономной области за 1927 г. (с. 50—54), автор должен был бы отметить, что популяризация без должных комментариев трудов по этнографии и истории XIX в. невольно служила консервации традиционных представлений на исторический процесс, приводила к своего рода любованию уже отживающим, уходящим, что по существу мешало укрепиться новым взглядам и нормам жизни.

Четвертая глава содержит разбор первых профессиональных этнографических исследований, вышедших в советское время. А. И. Мусукаев, стремясь выдержать последовательно-хронологический принцип изложения, склонен вести отсчет «специального и целенаправленного этнографического изучения народов Северного Кавказа» с известной статьи А. Н. Генко, опубликованной в 1936 г. Нисколько не умаляя заслуг крупного кавказоведа, наследие которого, кстати, отнюдь не полно показано и оценено в рецензируемой книге, приходится заметить, что первые серьезные этнографические исследования вышли в свет уже в 1920-х — начале 1930-х годов. Причем, принадлежали они перу не только русских (А. М. Ладыженский, Л. П. Семенов, В. П. Пожидаев